

п о з з и я

Лехит Кенжесев

Из книги "АГИЛЕНТСКИЙ ДОМЕР"

ПРОЛОГ

За водосточной трубой
гнездится ветер голубой,
птенец мотает головой
и со второго этажа
взывает вьюсь, легко дымив
исправимой синевой.

О нет, совсем не о себе!
И верю умнице-судьбе,
что улыбнулась мне когда-то,
и осветила путь сквозной,
и распластала надо мной
сухое зерно звякте.

Но выйди в изысканный сад ночной —
там столько звезд над головой —
не отыскать ориентира.
Не спрашивай, куда идти,
так перепутаны пути
из темных перекрестков мира!

Куда уходит летучий взгляд?
Две с лишним вечности извад
играле музыка чужая,
и у раскрытоого окна
сидела женщина одна,
стихи с ульбкой листая.

А тоноль рвался в облака,
и смерть казалась так легка,
и счастья было слишком много.
Но нет, туда мы не пойдем,
там плачет ветка под дождем
над жизнью, горькой дорогой.

До вечерней Сойдемся там,
где птичий щебет по утрам,
где синева в заздривной часе,
где небо склонится с землей
и счастье ласковой рукой
склоняет сердце жизни к немей.

• • •

Я не закате выходжу из дома,
где затхлый кофе и табачный дым,
вступаю в мир, где белые объемы
окраиняет густо-золотым.

В кристаллах снега все оттенки спектра,
и ледяными линзами зима
орудует, или стереоэффекты
чуть-чуть сдвигая плоские дома.

мне зевидно. И слово душой и телом,
и голову мне кружит высота.
Моим рукам — тяжелым, неумелым —
не вырваться из плоскости листа.

ни скандинавской твердости не знаю,
ни женщины не удержал в руках —
в все мне жизнь мерещится другая,
могучая — из к дирижерский взмах.

ты, мое небо, ты лазурным кругом
очерчивешь стены городов,
оставьши мне хотя бы честным другом,
помрежени — я к смерти не готов.

ДРУЗЬЯМ-ПОСТАМ

мы так устроены смешно,
мы пьем демисезонное вино
и отрубаемся в сортире.
но сквозь похмельную мигрень
рельефно различаем тень
и съет в меняющемся мире.

мы совершаем свысока
толпу у винного ярлыка
с ее эмблемой короткой.
мы пировали до утра,
но вот и наши вечера
уходит сонной походкой.

а наши женщины — они
печальны были искони
и в слове жестоки произвольном.
а чем же были мы плохи —
такие нежные стихи
читали спутницами случайным...

Цветут колхозные поля.
Цветет советская земля
и хорошеет год от года.
Над миром мертвый Томас Мор
стальные челюсти простер
во благо сунного народа.

Господь и с Западом, и с ней,
а мы устроены смешней,
и нам другого неба надо, —
чем то, что ливием синевы
летит во плодороди Москвы,
Брюсселя, Рима, Ленинграда...

• • •

Спокойна серая Нева
пустынна серая влажная
спокойна черная листва
в решетке Русского музея

мы тоже ленимся с утра
живем легко и терпеливо
и грим руки у костра
под ветром финского звона

О Господи, извой простой
мне осень квакается счастья,
когда пугает пустотой
перрон Московского вокзала,
когда, сияя, луч ползет
наверх по пыльным занавескам
и утренний бесшумный лед
ломается с прозрачным треском

Холодный купол — верный щит
он крепко сбит и ладно скроен
сухое дерево кричит
а человек еще спокоен
но он в холодную неву
слезу холодную уронит
но он чугунную листву
по мглистой набережной гонит

• • •

...у окна в постылом доме
ночь разнекенно зевает
только время из излома
черной кровью отливает
жизнь, последняя усыпь,
отчего мы слезы льем?
химый месяц листопада
бьет единственным крылом

он спускается за мной
точно голубь окольцован
то ли музыкой ночной
то ли дождиком синевы
тихо крутится пластинка
постепенно гаснет свет
и несется паутинке
нейшей юности вослед...

• • •

...стремят время у обочин
и глядь морская безупречна —
но череп радости непрочен
в ночь легка и скоротачива

и если мы живем бесцельно
/о мы живем с неясной целью/
то плоскость неба параллельна
земле, плавучей колыбели

судьба подходит к середине
мазок кармина на картине
как на кладбищенской рибине
чуть-чуть иженее и грубей

уходили как волны изо рта
минута квинтина плещь
где ветер голубей подносит
большие крылья голубей...

• • •

Музикальная пьеса длится
двести лет — и кончается вдруг
синеглазая птицей свободы,
разрывавшей круг тишины.
И становятся ночи короче,
и винные флейты поют,
и кончатся белые ночи,
и морозные звезды встают.

Что нам выбрать с тобой из счастья,
чтобы смерть отобрать не смогла —
то ли медную цепь не запасть,
то ли песенку сердце-бегла?
Славно жили, в все-теки мало,
вод дождем, да под ветром с Невы —
мы бы в прошлое прыгнуть с причала,
загустовской хлебнуть синевы...

Но и так проживем, изудачу,
заслоняясь от ветра рукой,
и увидим посёлок Рыбачий
в фиолетовой дымке морской.
Все останется — все, что поймали
из лету, у мокрого моста —
светлым вздохом — в время печали —
только линей морщинкой у рта...

• • •

Милостивы ко мне музы
милостив феб:
молод я
и бегу от себя,
в вагонах четвертого класса мотысь
по железным дорогам
по маленьkim городам.
Когда не ственет денег на хлеб,
что я продам?

Есть у меня старая книжка
1803 года,
меленькая, весом в четыреста грамм
написанная безвестным забытом
переведенная сразу из русский:
упредить просвещенную публику русскую
о губительных следствиях революции французской

Стучались под утро. Судили. Рубили головы,
подымали за волосы над толпой
переплетали книжку в тёмную кожу
в подвязной маленькой мастерской —
листы, читай —
точно пью

стражи и мести липкий настой
страницы плотные разрезаны —
в колёса истории — в грязь густой
в над рекой рассветной
влюбленные цедутся на мосту
в воротничок у следователя
в густом поту

з мне колесить, колесить
колесить, колесить по Созу
целовать чугунные тубы
родной стране

милостины ко мне музы
милостины ко мне...

• • •

...ящерицем в красной черепице
крымел звонкотатских деревень
целый день помешалась лень
искуда им больше торопиться

тихо время квактится извад
лесточки над берегом скользят
крыльями взрыва звонкий воздух
трудятся — потомство кормят в гнездах

тишина придет в конце концов
и закон спокойно ляжет в строчку:
каждой птице — вырастить птенцов,
человеку — дерево и дочку

разве яркая игра луча
в глубине четвёртого ключа
ослепит стремительную птицу
если птице надо торопиться?

А из нас, бескрылых, счастлив тот
кто печаль безвременную лечит
иблоней — пока она цветет
женщиной — пока она щебечет

учит меня жизнь, да все не в прок
и рассвета птице золотая
в сердце мне роняет уголек
над горами черными взлетая

• • •

В холодную ночь сероглазого смутного дни
ты хочется жить наявне с океаном и ветром —
зачем же глухие часы перед самым рассветом
тревожными снами преследовать стяли меня?

Довольно и дня, чтоб не грани любви и свободы
качаться, разлукой горячую кровь остужать,
и жизнь не ладони серебряной каплей держать —
кому вы — о чём вы, ревущие черные воды?

По берегу вьющейся зимы виноградный прибой,
в излучине Стикса мы бредем острыми хмелями —
что, милан девочки, тесно тебе в колыбели,
деть, если хочешь, но как и расстанусь с тобой...

По русской озерной равнине, по финским болотам
я плелся один — за спиной оставались друзья,
и падала в воду звезда — голубая, моя,
и я любовался ее искрившим полетом.

И птицы горели, и налево в небо горе —
глухие часы, даже ангел с трубой не разбудит, —
и я просыпался — и думал: мне тоже пора,
зачем оставаться, раз времени больше не будет.

• • •

Чем свободней, тем спокойней
звезды падают в занавес
крест скрипит на колокольне
листья мокрые шумят

так тревожны речи эти
и особенно в ночи
при трескучем тусклом свете
оплавляющей свечи

Как из пеперти кликуша
бьется сердце сентября
до утра толпятся души
у дверей монастыря

и сырой церковный камень
улыбаясь как живой
пьет огромными глотками
свет из чаш тенивой

Крест пронизет тьму ночную
и скимав крепче я
ручку теплую дверную
тускло-синюю стельную

травы земного бытия

• • •

Вода и воздух спят. Налетом воспаленным
Сухая на губах звезды тишина.
Я рвался в небеса — и получил сполна
Свистящей высоты над городом и кленом.

И хоть бы чем душа была омрачена!
Хочется, радуясь дубовым круглым кронам,
Пластинкой крулится, листком под ветром сонным —
для счастья созданье, но смерть обречена.

Все праздничнее дни, а ночи все печальней,
Как будто я сижу за чашей прощальной,
Разлуки будущей осилить не могу —

А из звезд моей землей кружится месяц ясный,
И дразнит сердце музыкой наврской,
Лицом корочкой в запекшемся снегу.

ЛЕНИНГРАД, ИЮНЬ 1975

Ночь белая. Вспыхивает острове.
Стрела-разлука в цель ложится звонко.
Еще дрожит стальная тетива —
О голос ночи — словно плач ребенка...
А с высоты, из чудных жизни мест,
Бескрай волна серебряного света...
Блаженны имище. Блажен несущий крест.
Любимая... за что нам счастье это?

• • •

Откочевали братья мои из звезд,
Снимались утром, сменялись громко,
Когда выводили коней, когда гнедых седали,
Ладили к седлам мелки солнечного масла,
Тугие бурдюки, тяжелые луки,
Легкие стрелы в длинных медных колчанах.

Унеслись из звезд смелые люди мои,
Унеслись друзья узкоглазые, молодые
К просторам славянским, землям венгерским.
Оставили степи родные, к озерам голубооким
Унеслись, к женщинам с бледной белой кожей,
Русскому золоту, шведскому серебру.

Нет, не умрем мы до срока в рыжей степи,
Оставили нам и овец, и коней длинногривых,
Оставили нам кожей тяжелых стали дамасской,
И звезд молочных, и женщин юных.
Но не могу я спокойно спать под холодным небом —
С кем разделю я радость кровавого боя,
С кем разделить мое счастье вечернего чай...

ЛЕТА К СУРОВОЙ ПРОЗЕ КЛОНИТ

Лета к суроющей прозе клонят
Лета излучные рисуну горят
Ее прозрачные глаза
Омыла горькую слезу
Она уже другому снится
Диктует первую страницу
И
Радуясь его письму
Бросит волосы ему

Чужие думы ветерносит
то в небеса
то в яму бросит
Сухие листья тишины
минувшей осени верны

• мне остался безымянный
вокзал - и воздух голубой
где бредит мальчик самозванный
помятой медной трубой

Когда в китайском море тонет
беспечной юности членок
 полночный ветер веял с ног
и суровой проезде годы клонят
душа качается и стонет
и из до умирать всерьез
мелкими рифмы годы гонят
из теплой кухни из мороз

А мальчик с медной трубой
так ничего и не сказал
когда входил въюем с тобою
из переполненный вокзал
В глаза мне сыплется известие
сухая музыка быстра
и ни верени нет
ни воск
ни ястребиного пера

• • •